

**Советская историческая наука в новейших отечественных исследованиях:
новые подходы и перспективы**

Опубликовано: Будущее нашего прошлого. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 15-16 июня 2011 г. М., 2011. С. 241-248.

Советская историческая наука – феномен противоречивый и неоднозначный, поэтому ее оценки также не отличаются единообразием. Если в советское время единственно правильной признавалась концепция поступательного развития исторической науки (можно еще добавить – от съезда к съезду), то в конце 1980-х-начале 1990-х гг. стали звучать диаметрально противоположные высказывания. На фоне концепции тоталитаризма историческая наука в СССР часто стала представляться либо как безвольная служанка идеологии, либо как жертва тоталитарного режима. Разномыслие в среде советских историков полностью не отрицалось, но рассматривалось лишь как случайное или нетипичное явление. Наиболее известным изданием, где критический подход к советской историографии был доведен до логического конца, стала коллективная монография «Советская историография» под редакцией Ю.Н. Афанасьева. В программной статье, предварявшей издание, Ю.Н. Афанасьев оценил советскую историографию как «особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей» [1]. По сути, отрицался статус советской историографии как науки. Статьи, составившие книгу, отстаивали тезис, согласно которому существовал «нормальный мир» западной науки и «ненормальный», советский мир.

Параллельно выходили и другие издания, где давались несколько другие оценки. Например, Институтом российской истории РАН была опубликована монография «Историческая наука России в XX веке» [2]. Главный пафос издания заключался в том, что советская историческая наука, несмотря на идеологический пресс, имела значительные достижения, объективная оценка которых – задача историографии. Заметим, что данный постулат не увел авторов от показа репрессий и влияния идеологии на развитие советской науки.

Нельзя сказать, что данные издания сгруппировали вокруг себя сторонников принципиально разных точек зрения. Однако полемика продолжилась уже в индивидуальных работах. Так, А.П. Логунов (один из авторов и научный редактор книги «Советская историография») вновь категорично отказался признавать научный статус советских исследований истории [3]. В свою очередь, Г.Д. Алексеева обрушилась на авторов «Советской историографии», обвиняя их в дилетантизме и политической ангажированности [4]. Тем не менее, при ближайшем рассмотрении, становится ясным, что принципиальной разницы между содержанием двух книг нет. В обеих сделан акцент на внешний фактор развития науки (репрессии, идеологию, политику и т.д.), история предстает как слуга или жертва тоталитарного государства.

В чем же причина такой принципиальной схожести? Думается, что ответов тому несколько. Во-первых, такого ракурса рассмотрения истории исторической науки требовала логика изучения «белых пятен», т.е. наименее известных или искаженных фактов. А, во-вторых, повлияло господство концепции тоталитаризма (явное или неявное ее признание), в которой контроль советского режима над умами жителей представлялся всеобъемлющим. Данный подход сыграл свою положительную роль, позволив рассмотреть многие перипетии нелегкой судьбы историков и их трудов. Но позволил ли он ответить на вопрос, что собой представляла советская историография, в чем ее промахи, а в чем достижения? К сожалению, приходится ответить скорее

отрицательно. Предложенный подход не объяснял многих проблем. Например, не находило объяснения существующее разномыслие в среде историков; не ясны были причины и мотивация их поступков; однобоко представлялась связь между властью и корпорацией ученых и т.д.

Нельзя сказать, что в новое десятилетие (2000-е гг.) ситуация кардинально изменилась. Но, тем не менее, изучение фактов и поиск новых методик исследования продолжается. Причем этот поиск идет в русле изучения советского периода в целом. Нарастает тенденция, сутью которой является признание советской исторической науки как особого феномена, но при этом подчеркиваются и значительные достижения советских историков. Значительная часть историографов пришла к выводу, что советские историки не просто выполняли политический заказ, но ощущали себя частью советской системы и марксистско-ленинской методологии. «Приверженность ленинской концепции и убежденность в правильности сделанного Россией в октябре 1917 года социалистического выбора, в искренности которых нет оснований сомневаться, были частью мировоззрения создателей отечественной историографии экономического развития нашей страны применительно к началу XXвека» [5], - считает Г.Н. Ланской. Данная мысль, казалось бы, очевидная, на словах признаваемая подавляющим большинством специалистов в области историографии, редко находит реализацию в конкретных исследованиях.

Одним из знамений времени стало применение историко-антропологического подхода (история ментальности, история повседневности, психоистория и т.д.). Зримым фактом интереса к данному ракурсу исследования стали работы Л.А. Сидоровой, посвященные генерационному анализу советской историографии середины XXв. [6] Генерация (поколение) в работах этого автора предстает интегральной категорией, позволяющей не только вычленить особенности научного творчества, присущие разным поколениям, но выйти на повседневную жизнь историков, рассмотреть субкультуры, сформировавшиеся в их среде. Главное, что такой взгляд позволяет рассмотреть сообщество профессиональных историков не как нечто безлико серое, но как сложную комбинацию различных групп и личностей, с их стратегиями научного творчества и поведения в рамках корпорации. Например, Л.А. Сидорова выделяет три модели восприятия марксизма: догматическую, творческую и формальную [7]. Это позволило понять, почему в равных идеологических и научных условиях разные историки предлагали разные решения одних и тех же проблем.

Из омской школы историографов, возглавляемой В.П. Корзун, вышло несколько исследований, которые с полным правом можно отнести к историко-антропологическим. Например, диссертационные работы Н.В. Кефнер [8] и Н.А. Кныш [9]. В них послевоенная историческая наука рассматривается через призму менталитета и повседневной жизни ее творцов (как историков, так и идеологов). Перспективным представляется применение категории «образ науки», позволяющей проанализировать представления властей и самих ученых о том, что же представляет собой наука и научное сообщество [10]. Ярко выраженную историко-антропологическую направленность имеют ежегодные сборники «Мир историка», публикуемые омскими исследователями. На их страницах регулярно печатаются статьи, посвященные изучению советской исторической науки [11].

В последнее время в историографических исследованиях все чаще применяется термин «историографический быт» или «историографическая повседневность», посредством которого акцентируется внимание на повседневной работе историков. В то же время не ясно, что такое повседневность для ученого? Научное творчество – это повседневность или что-то другое? Чем отличается быт историков от быта других представителей интеллектуальных профессий? Поэтому данный термин, не получивший до сих пор более или менее четкого определения, нуждается в

дальнейшем обсуждении. Возможно, этому мешает отсутствие монографических исследований по данной проблематике. Не стоит забывать и то, что при изучении повседневности (микроуровень), нужно держать в уме и необходимость выхода на более глобальные социальные, экономические и политические процессы (макроуровень). В случае историографического исследования необходимо ставить вопрос: как повседневная жизнь влияет на исторические исследования. Эта связь далеко не всегда очевидна.

По сути, антропологический характер имеет и концепция известного специалиста по истории Французской революции А.В. Гордона. Для осмысления феномена советской исторической науки он оперирует термином «культура партийности». «Культура партийности», в понимании автора, это специфический элемент советской историографии, основанный на возведенных в религиозную догму требований, пришедших из партийных кругов. «Совокупность квазирелигиозных черт советской историографии обобщается в книге в концепте «культура партийности». Речь идет о глубоко ритуализованном мышлении, о наличии свода предписаний, о хождении специального языка для посвященных. Во главу угла любой работы полагались в качестве высшей научной инстанции цитаты из классиков, в любой библиографии их фамилии, наряду с партийными документами, ритуально следовали в нарушении алфавита впереди списка и даже выше источников. Ритуализовались и толкования цитат: не все из них и не всякому дано было использовать, важнейшие подлежали официальному апробированию» [12]. Все это воплощалось в «каноне», своде непреложных истин (теории отражения, формации, классовой борьбы и т.д.), освященном авторитетом классиков марксизма-ленинизма, и рьяно охраняемом идеологами. При этом А.В. Гордон признает известную автономность многих областей исторического знания, указывает, что на конкретно-описательном уровне влияние канона было слабым. Страдали, по мнению автора, теоретические исследования [13]. Несмотря на указанные черты, исследователь все же признает советскую историографию наукой, имеющей все компоненты научного знания [14].

Стоит задаться вопросом, насколько предложенный концепт позволяет адекватно анализировать советскую историографию? Думается, что он имеет право на существование. Ритуализованность, специфические каноны – явления, присущие любому научному знанию, в большей или меньшей степени. В советской исторической науке это проявилось особенно отчетливо, а многие ее характерные черты проникли в науку именно из партийной среды.

Но не только историко-антропологическим подходом отличаются современные историографические исследования. Характерной чертой является постепенное проникновение науковедческих категорий и методов. Наглядный тому пример – широкая популярность понятия «парадигма», предложенного Т. Куном, или значительное внимание к т.н. «схоларной проблематике» через призму науковедения. В то же время приходится констатировать, что подавляющая часть историографов мало следит за работами в области науковедения и философии науки. Причина, возможно, кроется в том, что изначально историография рассматривалась как вспомогательная по отношению к собственно истории дисциплина, имеющая целью описание ее достижений для использования их в последующей исследовательской практике, а не изучающая науку как особый социокультурный феномен. Сильный крен наблюдался (и наблюдается) в сторону того, чтобы изучать историческую науку в контексте общественно-политической мысли, что также не способствует анализу истории как научной дисциплины со своими законами развития. Между тем, в науковедении, социологии и философии науки есть немало теорий, которые могут оказаться полезны для историографов. Например, теория «научного поля» П. Бурдьё, где поле – система из отдельных личностей, научных школ, институтов, которая развивается по специфическим законам власти и подчинения. Деятельность ученых в данной

концепции описывается по аналогии с поведением участников рыночных отношений, борющихся за капитал. Только в среде ученых борьба идет за интеллектуальный капитал (авторитет, административные посты и т.д.), позволяющий вербовать сторонников (учеников) и навязывать научному сообществу свое мнение [15].

Важным направлением историографических исследований стало изучение исторической науки в регионах. Если в работах по истории дореволюционной науки широкое признание получил термин «провинциальная историография» [16], то для советского периода этот вопрос остается нераскрытым. Здесь возникает сразу несколько проблем. Во-первых, можно ли говорить о «провинциальной историографии» в условиях формирования полноценных научных центров вне Москвы и Ленинграда в советское время? Во-вторых, неясно, каким было взаимодействие этих центров со столичными коллегами? В-третьих, насколько отличалась общественная атмосфера в регионах от столиц? В-четвертых, можно ли говорить о формировании там специфических научных школ? В-пятых, неясно как понимались идеологические директивы на местах, как они влияли на науку? Историческая наука союзных республик – это часть советской историографии или особое направление? Приходится констатировать, что мы только в начале пути. Изучение региональной историографии – интересное направление, сулящее немало интересных открытий. Работы по данной тематике, естественно, появляются в первую очередь в регионах [17]. Причиной тому является не только важность проблемы для историографических исследований, но и желание региональных школ изучить свои истоки, показать свое значение для российской науки, тем самым «укоренившись» в интеллектуальном пространстве России.

Несмотря на определенные достижения, изучение советской исторической науки только начинается. Многие вопросы остаются либо слабо изученными, либо неизученными вообще. До сих пор не совсем ясно, что считать собственно советской историографией? Историки «старой школы» – это часть советской науки или инородное тело? Непонятно, что собой представлял «советский марксизм». Практически не изучена историческая наука 1960-1980-х гг. Тем не менее, советская историческая наука все отчетливее предстаёт как сложная, нелинейная система, в которой находится место различным явлениям, а сообщество историков предстает все более неоднородным. В этом контексте перспективным является продолжение изучения как судеб отдельных историков, так и развития целых периодов и направлений, выявление стратегии приспособления к советским условиям. Очевидно, что по-разному проходили общие процессы в среде медиевистов, новистов и специалистов по советскому периоду. В то же время приходится держать в уме, что эти группы – часть единой научной среды.

Вопросов проблем больше, чем ответов и решений. Тем не менее, наличие различных подходов, активное введение в научный оборот новых источников, существование разных центров историографических исследований вселяет оптимизм.

Примечания:

1. Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография / Под. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. 37.

2. Историческая наука России в XX веке / Отв. ред. Г.Д. Алексеева. М., 1997.

3. Логунов А.П. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии. Сб. ст. М., 2001. С. 7-58.
4. Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика (60-80-е годы XX века). М., 2003. С. 5, 53 и др.
5. Ланской Г.Н. Отечественная историография экономической истории России начала XX века. М., 2010. С. 48.
6. Сидорова Л.А. Проблема «отцов и детей» в историческом сообществе // История и историки. 2002. М., 2002. С. 29-42; Она же. Духовный мир историков «старой школы»: эмиграция внешняя и внутренняя. 1920-е годы // История и историки. 2003. М., 2003. С. 168-192; Она же. Межличностные коммуникации трех поколений советских историков // Отечественная история. 2008. № 2. С. 129-137; Она же. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. М., 2008 и др.
7. Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века...С. 97.
8. Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков. Автореф. дис...на соиск. кин. Омск, 2006.
9. Кныш Н.А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие. Автореф. дис...на соиск. кин. Омск, 2009.
10. Корзун В.П., Колеватов Д.М. Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие (трансформация историографических координат) //Исторический ежегодник. Вып. 3. Омск, 2008. С. 114-133; Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, ровняйся!») // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 2. Омск, 2006. С. 199-224
11. Например: Колеватов Д.М. Научное сообщество как социальный фильтр («Репрессивное давление» в научной судьбе М.А. Гудошникова и М.К. Азадовского. 1940-е гг.) // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005.
12. Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 9.
13. Там же. С. 10.
14. Там же. С. 360.
15. Бурдые П. Поле науки // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.- СПб., 2002.
16. Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. Автореф. дис...д-ра ист.наук. СПб., 1993; Бердинских В. Уездные историки: русская провинциальная историография. М., 2003 и др.
17. Галямичев А.Н. Судьба отечественной медиевистики. Саратовская школа: трудный путь становления. 1917- середина 1950-х годов // Историк и власть: советские историки сталинской

эпохи. Саратов, 2006. С. 6-45; Кузнецова О.В. Локальное научное сообщество историков в 90-е годы XX века (на материалах города Омска) // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 179-199; Рыженко В.Г. Историк в меняющемся мире: территория поиска – провинция (1918-начало 1930-х гг.) // Там же. С. 139-178; Мамонтова М.А. Формы контроля общественно-популяризаторской деятельности провинциального историка в первое послевоенное десятилетие // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2007. С. 137-156; Умбрашко К.Б. Школа сибирских историков Е.И. Соловьевой // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 5. Омск, 2009. С. 99-115 и т.д.